

«ГОРОД ЧУДНЫЙ, ГОРОД ДРЕВНИЙ...»

Виктория Пешкова

Выставка «Москва сквозь века», проходящая в Третьяковской галерее (8.09.2017–21.01.2018), приурочена к 870-летию столицы, но дух юбилейности ей совершенно чужд. Проект и задумывали не как гимн, гремящий трубами и литаврами, а как признание в любви, которое произносят вполголоса. Торжества завершились, а в гулких залах Инженерного корпуса по-прежнему многолюдно. Кто-то ведет молчаливый разговор с любимой картиной, кто-то с веселым изумлением узнает на старых полотнах милые сердцу уголки...

Третий Рим, наследница Византии – таково высокое предназначение Москвы испокон веку. История города на семи холмах крепко-накрепко переплелась с историей государства Российского. Однако выставка «Москва сквозь века» не хрестоматийный экскурс в прошлое, а искусно проложенный путь через эпохи, своего рода квест, где каждая точка на маршруте снабжена необходимой для путешественника по времени информацией.

Древняя русская столица начинает оживать под кистью иконописцев в самом начале XVI столетия, и первым из тьмы веков выступает Московский Кремль – символ не только самого города, но всей державы. Кремлевские соборы, башни, стены становятся олицетворением ее мощи и незыблемости. Сияющие в отдалении или развернутые в панораму, они всегда узнаваемы и,

Симон Ушаков. Икона «Дерево государства Московского (Похвала иконе “Богоматерь Владимирская”)». 1663. Дерево, темпера. 105x62

Н.Н. Гриценко. Вид на Москву с колокольни Ивана Великого. 1896. Холст, масло. 72x54

Государственная Третьяковская галерея. Москва

*В.Д. Поленов.
Теремной дворец
в Московском
Кремле. Наружный
вид. 1877. Дерево,
масло. 34,3x23,7.
Государственная
Третьяковская
галерея. Москва*

более того, их изображения архитектурно точны.

Понадобилось почти два столетия, чтобы Москва «перешла» с иконных досок на холсты. В 1800 году Павел I откомандировал живописца Фёдора Алексея в Первопрестольную «для снятия видов». Впервые попавший в старую столицу художник был взволнован до глубины души: «По усмотрении Москвы я нашел столько прекрасных предметов для картин, что нахожусь в недоумении, с которого вида прежде начать...»¹ Следы его потрясения ясно

прочитываются в целой серии работ, выполненных по заказу императора, но, возможно, «Соборная площадь в Московском Кремле» отразила восхищение мастера в наибольшей степени. Поражает, что картине более двух столетий. Знакомый с детства вид воспринимается как стоп-кадр из какого-то фантастического фильма: «Иван Великий» устремлен в таинственно фосфоресцирующие небеса подобно космическому кораблю, что вот-вот стартует в бескрайние просторы Вселенной. Вглядываешься в привычное – видишь иномирное.

В пространстве выставки «тоннели» лабиринта времени пересекаются самым причудливым образом. Глядя на картину Николая Гриценко «Вид на Москву с колокольни Ивана Великого», написанную в конце XIX столетия, невольно отмечаешь сходство с пейзажем, который открывается с этой точки сегодня: Архангельский собор, Благовещенский... Даже долго отсутствовавший храм Христа Спасителя стоит, словно и не исчезал, подтверждая цветаевское пророчество:

*Но выше вас, цари, колокола.
Пока они гремят из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.*

Но вряд ли читали Цветаеву создатели новодельных каменных истуканов, пронзающих московское небо. Жаль, что нет силы, способной растворить их без остатка...

А между тем пластика русской архитектуры отзывчива к эксперименту, если

он созидателен. Аристарх Лентулов умел разложить объект на составные части и сложить снова так, чтобы, открыв в нем новую гармонию, сохранить энергию прежней. По воспоминаниям дочери, художник снова и снова ходил вокруг собора Василия Блаженного – этого многоцветного чуда, фиксировал мельчайшие повороты его сказочного калейдоскопа, пока не возник на холсте храм – парящий, как в невесомости, и видимый словно со всех сторон сразу.

*Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!*

Что трогает сердце художника? Что отзывается в нем сладостным вдохновением? Архитектурный шедевр? Безусловно. Так, Теремной дворец – первые в Кремле каменные палаты, возведенные по приказу царя Михаила Фёдоровича, – расцвел причудливым ярким цветком на пепелище,

*Ф.Я. Алексеев. Соборная площадь в Московском Кремле. Начало XIX века. Холст, масло. 82,7x112,5.
Государственная Третьяковская галерея. Москва*

И.И. Машков. Снедь московская: Хлебы. 1924. Холст, масло. 128,5x145. Государственная Третьяковская галерея. Москва

оставленном Смутным временем. Впоследствии и дворцу пришлось возрождаться, но, утратив отчасти первоначанный облик, он сберег дух и душу давно ушедшей эпохи. Вот волшебный эликсир времени и забурлил в крови Василия Поленова при виде этой горделивой красоты. Кто, глядя на его этюды к, увы, неосуществленной картине «Пострижение негодной царевны», поверит, что еще за год до их созда-

ния известный критик В.В. Стасов наотрез отказывался видеть в В.Д. Поленове русского художника: «Разве что только с Вами совершится какой-то неожиданный переворот, откроются какие-то неведомые доселе коробочки и польются неизвестные сокровища...»²

Справедливости ради отметим, что первым – и сильнейшим – впечатлением Василия Дмитриевича от Первопрестольной был вовсе не шедевр древнерусской архитектуры, а пейзаж, словно материализовавшийся из «Очерков Москвы» Петра Вяземского:

*Здесь чудо – барские палаты
С гербом, где вписан знатный род;
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород.*

Не потому ли при упоминании Поленова на ум в первую очередь приходит залитый светом «Московский дворик» и тенистый «Бабушкин сад». После надменного и неласкового Петербурга вальжная матушка-Москва, умеющая приветить каждого, навсегда покорила сердце художника.

Исконным хлебосольством пышет жаркий «Московский трактир» Бориса

Б.М. Кустодиев. Московский трактир. 1916. Холст, масло. 99,3x129,3. Государственная Третьяковская галерея. Москва

В.И. Суриков. Иллюминация Московского Кремля. 1883. Холст на картоне, масло. 36x58,5. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Кустодиева. Основательно устроились за чайным столом степенные извозчики в синих кафтанах. Еще одна страничка из очерков:

*У каждого свои причуды
И свой аршин с своим коньком,
Свой нрав, свой толк и пересуды
О том, о сем и ни о чем.*

Да что трактир! Вот перед «сдобным» натюрмортом Ильи Машкова и только что отобедавший не устоит. Пышный белый каравай выглядывает из-под платка, хитро переплетенный калач уткнулся в связку баранок, румяная кулебяка тянется к маковой плетенке, а от лакомых пирожных так и вовсе голова кругом. «Снедь московская: Хлебы», работа, написанная в 1924 году, – привет НЭПа (новой экономической политики) дореволюционному сытному приволью. «Хлебы», – писал художник, – это наша московская рядовая пекарня своего времени, примерно Смоленский рынок, и композиция как бы безалаберная, нескладная, но нашенская, московская, тутошняя, а не парижская»³. Спустя несколько лет все роскошество

сгинет, а вместе с ним – и многое из того, что составляло собой понятие «старая Москва».

Дремлет в снежных объятиях двухэтажный особнячок, с фасада которого давно исчезли даже следы былого великолепия. Что особенное увидел в нем Пётр Кончаловский? «Аптека на Садовой» – один из московских пейзажей, написанных художником в 1931 году. Жили Кончаловские по адресу: Большая Садовая, 10 – в доме, которому предстояло стать легендой. Правда, Михаил Булгаков, соседствовавший с ними в начале 20-х, работал тогда над «Белой гвардией», а не над «Мастером и Маргаритой». И пусть это только игра воображения, но есть в небесной синеве особнячке, волею судеб превращенном в аптеку, едва уловимое сходство с гибнущим ковчегом Турбиных. Лет через пять-шесть он пропадет в круговороте столичной реконструкции. Не повезло... А что в таком случае можно назвать везением? Неужели преобразование до неузнаваемости?

У Бориса Рыбченкова на картине «Москва. Ленинградский проспект. У «Яра»» легендарный ресторан еще с гранеными

А.А. Лабас. Метро. 1935. Холст, масло. 83х63,5. Государственная Третьяковская галерея. Москва

куполами, не «облагороженный» набирающим силу «сталинским ампиром». Но он, как и белые кубы современных зданий по соседству, – лишь фон для новеньких троллейбусов, омытых только что отшумевшим летним дождем. По Ленинградскому шоссе пролегла первая в столице троллейбусная линия, соединившая площадь Тверской Заставы с Покровским-Стрешневым. Рядом с уползающим вдаль трамваем – суетливым, жестким, дребезжащим на каждом стыке – троллейбус кажется океанским лайнером, неспешно скользящим по асфальтовой глади. Скромный городской пейзаж сегодня вполне можно расценивать как документ эпохи (с недавних пор московский, воспетый Окуджавой, троллейбус отправлен в не слишком почетную ссылку в спальные районы), а еще – как иллюстрацию к старой шутке о слиянии Москвы с Ленинградом, которая шутка лишь отчасти. В 1920-х годах архитектор Н.А. Ладовский предлагал разомкнуть кольцевую систему столицы как раз по линии Ленинградского шоссе и дальше развивать город вдоль этой оси. Москва обрела бы сходство с кометой – с ядром-Кремлем и хвостом, вытянутым на северо-

запад. Вот только добраться до Питера на троллейбусе было бы все же проблематично. А жаль...

На «Улице Горького» – где-то между Тверской площадью и Охотным Рядом – тоже идет дождь, правда, скорее осенний. Сквозь его дымчатую пелену проглядывает извилистая и довольно узкая улочка. Странно? Отнюдь. Михаил Маторин рисовал ее в 1935-м. Принятый в тот год генеральный план реконструкции Москвы сулил древнему городу «коренную перепланировку» и «решительное упорядочение». Переименованной в честь «буревестника революции» Тверской уготовили судьбу стать одной из центральных магистралей. Все, что можно было, – снесли, расширив проезжую часть до 40 метров. Что снести не удалось из-за доказанной архитектурной или исторической ценности – передвинули. Вон маячат башенки Саввиновского подворья – пока еще на своем законном месте. Но в ночь на 4 ноября 1939 года здание весом 23 тысячи тонн передвинули вместе с жильцами, прямо как в стихотворении Агнии Барто:

*Тихо едут стены эти,
И не бьются зеркала,
Едут вазочки в буфете,
Лампа в комнате цела...*

Впрочем, к чудесам техники у Москвы был вкус издавна. В позапрошлом веке коронационные торжества в Первопрестольной завершались грандиозной иллюминацией Кремля. Впервые такое «пиротехническое шоу» устроили по случаю восшествия на престол императора Александра I с помощью системы масляных светильников, соединенных запальным шнуром. Тогда ими украсили только Соборную площадь. 80 лет спустя огнями был залит уже весь Кремль и Кремлевская набережная. На картине Василия Сурикова древняя цитадель кажется возведенной из мириад звезд, зажженных в честь нового самодержца всероссийского – Александра III. Три дня столица любовалась невиданным доселе зрелищем. «Иллюминация Московского Кремля» была написана в 1883 году, когда впервые для этой цели использовали электрические лампы.

Журнал «Электричество» сообщал подробности: «Колокольня Ивана Великого вместе с Успенской ее частью и Филаретовской пристройкой была увешена по всей высоте 3500 электрическими лампочками Эдисона. По ограде Кремля со стороны реки были размещены на башнях 8 больших и 10 малых солнц. 18 локомотивов с почти 40 динамоэлектрическими машинами постоянного и переменного токов были помещены за Москвой-рекой на механическом заводе Густава Листа в двух обширных сараях. От сараев к колокольне Ивана Великого шло через реку 70 изолированных проволок, подвешенных на столбах. Для успешности действия и для контроля в вышеупомянутых сараях находилась наблюдательная станция, вмещавшая в себя измерительные приборы и коммутаторы»⁴.

Пройдет чуть более полувека, и другое техническое чудо будет вдохновлять художников. До сих пор московское метро считается красивейшим в мире: толпы

Н.И. Нестерова. Дом Гоголя. 1979. Холст, масло. 160х160

Б.Ф. Рыбченков. Москва. Ленинградское шоссе. У «Яра». 1934. Холст, масло. 69х89

Государственная Третьяковская галерея. Москва

иностранцев, энергично наводящих свои айфоны на скульптуры «Площади Революции» и мозаичные панно «Маяковской», – лучшее тому доказательство даже сейчас, в довольно скупом на неподдельное восхищение XXI веке. А в тридцатых, когда эти дворцы только-только появлялись, они воспринимались как ставшая былью сказка. Но Александра Лабаса вдохновили не колонны и люстры, не барельефы и фризы, а... фантастическая движущаяся лестница, соединяющая сияющие залы с поверхностью земли. Героем картины «Метро» стал эскалатор только что открытой станции «Площадь Дзержинского» (нынешняя «Лубянка») длиной почти 44 метра. Он и сегодня считается одним из самых протяженных в Московском метрополитене.

Впрочем, метро – не только техника и не только архитектура. Для Самуила Адливанкина это в первую очередь люди. В победном 45-м он пишет картину с прозаическим названием «В метро». В каждой мазке – поэзия только что наступившего мира. На первом плане – молодая женщина, одетая, как манекенщица из советского журнала мод: элегантная шляпа, яркое платье под строгим плащом. Она скорее образ, мечта. А вот солдат с медалями на груди почти незаметен, но при этом предельно реален. В отдалении дежурная по станции в алой фуражке вглядывается в темноту тоннеля... Мирная жизнь уже не сойдет с рельсов.

Рельсы, рельсы... Подземные, надземные. Когда-то почти у каждого московского бульвара был свой трамвай, а вот «свой» бульвар есть, наверное, у каждой москвички и сегодня. Можно попробовать найти его на выставке...

*В очередной попытке заблудиться,
Не то чтобы влюбиться, но забыться,
Не узнавать ни улиц, ни домов...
Но вправо накренившийся бульвар
Стремительно сворачивает влево
И обрывается⁵.*

Вот пронизанный тихой печалью Средтенский Владимира Маковского, заснеженный Тверской Марка Гуревича, купающиеся в зелени Рождественский Виктор Миллера и Яузский Ивана Сорокина,

туманно-таинственный Чистопрудный Сергея Маркина и Николая Ульянова, сказочно-наивный Гоголевский Натальи Глебовой. Есть какая-то вселенская справедливость в том, что на месте скрытых оборонных валов люди устраивают аллеи, где днем резвится ребятня, а по вечерам целуются влюбленные. И ирония... Ведь в немецком языке *bollwerk* и означает «земляное фортификационное сооружение». Наши бульвары, любовно обрамленные липами и кленами, кому-то напоминают о некогда неприступных валах Белого города, кому-то – о соприкосновениях разных видов искусств.

В 1979 году, когда Наталья Нестерова написала «Дом Гоголя», музея писателя на Никитском бульваре еще не было. Стоял только памятник, убранный с Гоголевского бульвара за не соответствующую нарядному променаду мрачность. Ах, как хотелось Николаю Васильевичу «устредить все общество к прекрасному»! Сколько сил и таланта сему благому порыву он отдал! Пьедестал опоясан барельефами, на которых – персонажи бессмертных произведений великого писателя. На картине Нестеровой сам памятник, царящий и над двором, и над городом, окружен «потомками» его героев. Лукавая гоголевская ирония просвечивает и в другой работе художницы – «Садовое кольцо», написанной десятилетием позже. Давным-давно зачали уютные палисадники, давшие ему когда-то название. Да и сами усадьбы – чудом уцелевшие одиночки, сплоченные автором, как солдаты в парадном строю, – хранят лишь тень своего бывшего величия. Отделяет это царство теней от хлопотливых московских обитателей мерно текущая асфальтовая Лета...

Добравшись до последней картины, хочется повернуть обратно и начать все заново. Опять бродить меж полотен, «перебирая» их, как частички огромной мозаики, вновь и вновь обращаться к любимой Москве, вторя Петру Андреевичу Вяземскому:

*Ты не смущайся, не меняйся,
Веками вылитая в медь,
На Кремль свой гордо отирайся
И, чем была, тем будь и впредь!*

А.В. Лентулов. Храм Василия Блаженного. 1913. Холст, масло, бумажные наклейки. 170,5x163,5. Государственная Третьяковская галерея. Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: Фёдоров-Давыдов А.А. Фёдор Яковлевич Алексеев. М., 1955. С. 110.
- ² Цит. по: Сахарова Е.В. Письма, дневники, воспоминания. Хроника семьи В.Д. и Е.Д. Поленовых. М.; Л., 1964. С. 231.
- ³ Илья Машков. М., 1977. С. 84.
- ⁴ Журнал «Электричество». 1883. № 9. С. 117.
- ⁵ Вадим Перельмутер. Дирижабль на Остоженке // Арион. 1997. № 3.

Ключевые слова: выставка «Москва сквозь века», Третьяковская галерея, Симон Ушаков, Н.Н. Гриценко, В.Д. Поленов, Б.М. Кустодиев, В.И. Суриков, А.В. Лентулов, Н.И. Нестерова.